

А как плохи и воллиттерации: «звоном громким расколотых звеньев хрустнет хрупкий хряц у стекол». Да и «хрупкий хруст» — давно уже сказано А. Белым.

Ничего хорошего нет и в стихах:

1)
 То Там
 То Здесь,
 То Там,
 То Тут».

2)
 Где день
 Дам тень,
 Где тень
 Дам день».

Не редко встречаются противоречивые мысли, несогласованные образы. В одном случае земной «стихии великой не исчерпать никогда», а в другом автор собирает «на колеснице по небу отыскивать берега, пить из ковша Медведицы и ковром турецким выстлат Млечный путь».

Все неудачи А. Безыменского происходят, очевидно, от того, что, по его словам, его «сердце только вагранка», хотя и живая, а мысли—всего только «шуршащий провод», а самые стихи—не более как «гранка».

Не сумел автор обработать даже и заимствованное. Своего же у него ничего нет.

Валерьян Полянский

СЕРГЕЙ ТРЕТЬЯКОВ. Железная Пауза. Владивосток, 1919. Стр 64.

Первая книга стихов Сергея Третьякова только что добралась до Москвы. А выйти была она должна, как говорит довольно напыщенным языком предисловие, в начале 1916 г. Это было бы тогда естественно, теперь же книга—очень хорошая—кажется давнишним и не вовремя забытым дневником. Здесь собраны

стихи за шесть лет, с 1913. История сложная и даже не без поучительности. Третьяков обладает удивительной, необыкновенно-трогательной серьезностью к своему делу,—да и пишет мало, а над тем, что пишет, как видно, долго сидит и упорно добивается своего. И не будет большой ошибки—его история, как она читается по «Железной Паузе»,—история современника-стихотворца. Первые годы—стихи 1913 и частью 1914—то ли откровенный Северянин,—с Кузминым и без Кузмина, петербургские изящники то же не без малого отразились,—будет символизма — объелись умничаньем—а грубоватость мальчишке прямо по плечу. Выяснить не требуется, и если я вчера видел кирпичника в синих штанах, он тебе, горожанину, такой же родной, как и Подколесин, могу на него ссылаться без сноски: не понимаешь?—так ты просто глуп, любезный!—ведь:

...Я слышу.

Свой игольчатый глаз просовываю
 На крышу.

Вольно тебе не уметь делать этого. Темки маленькие, темки-крошки не беспокоят, мир игрушечен—очень красивый мирок—его еще можно подкрасить. Что до трагизма—он в грубости, в филигрании мельтешащих амеб-метафор. Мир пейзажится в мое удовольствие—там, правда, что-то есть, но:

Мы чаю не допили,
 Мы бросили тартинки.
 На легком Оппеле
 На пляж, на пляж!

Банкир что-то где-то проиграл и уже интересуется работой браунинга,—чудак!—«но не весь мир же вы проиграли на бирже?» Глупости и пустяки: вот ковер в гостиной лежит—такой красивый, стоит над ним посидеть и точнее его записать. И тут мальчик стучается в Маяковского:

Я спала в граммофонных трубах.
 На проводах сушила белье.
 Сколько тихих и грубых
 Входило в мое жилье.

Тут неожиданно начинает выясняться—и автор еще не умеет оценить

его привлекают сами собой словесные построения, до сих пор мыслится поэт, как нечто совершенно обособленное в мире, автономное, и в этой-то автономности только и становящееся тем, что оно есть, до сих пор мелочь, чуть разбухшая лезет к нам и к нему из мира его поэзии.

Резюме: автор чрезвычайно талантлив, надежд на него—целая бездна, но ему еще не год придется выбарахтываться из того бесполезного для мира благополучия, в котором он позабыл свое «всегда».

Сергей Бобров.

ФЕДОР СОЛОГУБ. Фимиама. Изд. «Странствующий энтузиаст». Петербург, 1921. Стр. 105. Ц. 350 р.

Точно из другого мира звучит в наши буйные и бурные дни успокоенный, мечтательный, тихий голос Сологуба.

Никакие бури, никакие социальные вихри и революции его не затрагивают, не сдвигают с твердой и уверенной позиции. Верный жрец мечты, превращающей дебелую бабу Альдонсу в прекраснейшую из дев Дульцинею, поэт, считающий свое святое ремесло превыше всех человеческих трудов и устремлений, лирик, глубоко замкнутый в свой собственный мир от всего внешнего, Сологуб едва ли не единственный в наши дни, настойчиво и убежденно повторяет:

Мои безбурны небеса.
В блаженном свете вдохновенья
Какая радость и краса.

Он верит, что перед ним растворятся настежь двери рая, когда на вопрос о земной жизни, он просто и мудро ответит: «слагал романы и стихи».

И разве есть иное дело,
Иная цель, иной завет?

Новая книжка стихов Сологуба не прибавляет новых лавров в его венок. Она только говорит о том, как непоколебим он на своих старых позициях.

Д. Выгодский.

М. ЗЕНКЕВИЧ. Пашня танков. Саратов, 1921. Стр. 32.—Н. ЛЕПОК и Б. ПЕРЕЛЕСИИ. Фуисты, Мозговой разжиж, стр. 16. Мск.—Д. ВИЛЕНСКИЙ, На! Моск., 1922, стр. 40. Прод. ц. 10 т. р.—Г. СИДОРОВ, Стебли; К-во „Кино. Мск., стр. 16. Прод. ц. 10 т. р.—„ЭКСПРЕССИОНИСТЫ“ (Е. Габрилович, Б. Лапин, С. Спасский, И. Соколов), К-во „Сад академика“. Мск., 1921, стр. 19. Прод. ц. 5 т. р.—АЛЬМАНАХ ЛИТЕРАТУРНОГО ОСОБНЯКА“, № 1, янв. 1922, Мск. 32. Прод. цена 15 т. р.—„ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ПОЭТОВ“, 2 сборник, К-во „Сопо“; Мск., 1922; стр. 32. Прод. ц. 7 т. р.—Н. ЗАХАРОВ-МЕНСКИЙ Печали. Стихи. 1918—22 гг., предисловие В. А. Гиляровского, К-во „Неоклассики“, Мск., стр. 32. Прод. ц. 10 т. р.

Надо полагать, скоро придется уже рецензировать не тех, кто пишет стихи, а тех, кто их не пишет. Так и будем писать: «Новое культурное начинание: Райполитпросвет обнаружил среди крестьян энской волости, выполнившей продналог полностью, одного молодого человека 19 лет, который стихов не пишет; герою труда постановлено выдавать пожизненно антиакадемический паек мощностью в два миллиона больших калорий», а дальше описание того, как он не пишет стихов и чего он не пишет. Кроме же вышеупомянутого искомого юноши, все остальные стихи пишут, без конца и без края. Вот тут восемь брошюрок, а участников в них ровно тридцать шесть человек... и это еще не все москвичи начинающие (из известных имен тут двое - трое). Конечно, оно отсортируется: часть пойдет в газетку и в кабаре, часть займется какими-либо социально-полезными ремеслами, бросив неприбыльное занятие... но все-таки, зачем они все печатаются? Чем объясняется эта дамаскированная—по Брюсову — в своей общедоступности страсть к столь недоступному ныне печатному станку,—явление, несомненно, болезненное и в этой болезненности чрезвычайно жалкое. Исключая «имена», скажем гипотетически: ведь не все же эти тридцать человек настолько глупы, чтобы не видеть, чтобы добрая половина из них не то что стихов, а дельного прошения в Отсобез не сумеет написать,—нет сомнения отсюда, что вид за-